

Пижа с боку на ремне,
Пот с лица стекает,
Стоя прямо на коне
Он Саял переплывает...

На карьере... лязг затвором, —
Смелым Бог владеет, —
Калмыка с его простором
Кто же одолеет?

Пикой колет вправо, влево,
Из выштовки бьет в упор,
Рубит шашкою умело...
Оттеснен врага напор.

Конь — красавец бьет копытом,
Ветер треплет камыши,
Счету нет врагам убитым
В ковыле степной глуши.

Над телами в Диком Поле
Водарился вечный сон...
Кто привел их злою волей,
Осквернять чужой закон?

Ночь проходит в жутком вое,
По земле ползет туман,
Завтра здесь, на месте боя
Новый вырастет курган.

А под утро, как зарницы
Осветят ярко Задонье,
Наш калмык уже в станице
У себя в родном хотоне.

Мать — старуха торжествует,
Обнимая сына,
И уж больше не горюет
Молода дивчина.

МИХ. ЛАЗАРЕНКОВ.

О сплетении политических интересов государств в борьбу за обладание крепостью Азовом в 1636 г.

Борьба Дона с Турцией за крепость Азов вообще, в особенности знаменитый казачий штурм Азова, а потом еще более знаменитая защита его казаками от турок — все это давно и много раз подробно описано в исторических трудах разных исследователей. В старое время даже считалось дурным тоном «рассказывать казаку про азовские вести», ибо настолько они досконально были известны всему казачеству.

В этом году, по случаю 300-летнего юбилея взятия казаками Азова, казачья эмигрантская общественность особенно оживленно вспоминает это событие. — Всюду в местах казачьего скопления устраиваются собрания с докладами на тему об Азове, почти во всех казачьих журналах даются соответствующие статьи.

Поэтому, полагая, что самый процесс осады и взятия казаками Азова всем достаточно известен, я хочу поделиться в данном случае своим мнением на тему о государственно-политических мотивах заинтересованных сторон, которые привели их к военному столкновению.

До сего времени, почти все комментаторы этого события, касаясь причин борьбы, удовлетворяются официальным объяснением самих тогдашних казаков, которые, главным образом, упирают на моральную

сторону, именно на защиту угнетенных в Азове православных греков и на освобождение христианской церкви из-под власти магометан.

Я не собираюсь совсем отрицать этот момент в качестве одной из причин, но полагаю, что он не был главным. Надо принять во внимание, что тогдашние казаки, живя самостоятельной государственной жизнью, были знакомы с политическим языком, который издревле и донныне один, а именно: под борьбу за конкретные житейские интересы подводить высоко идейную моральную базу.

Поэтому я считаю, что объяснять нападения казаков на Азов только желанием защитить греков и церковь настолько же недостаточно, насколько не достаточно было бы объяснять завоевание итальянцами Эфиопии или японцами Маньчжурии только цивилизаторскими побуждениями.

Борьба Дона за Азов диктовалась жизненным государственно - политическим интересом. Владея на берегу Азовского моря сильной крепостью, как военным «тетде-поном» империи, Турция занимала могущественную политическую позицию против Дона прежде всего, а потом и против России. Это положение заставляло последних быть по необходимости осторожными и спо-

ворчивыми в отношении Турции.

Именно с точки зрения этих интересов, а не только как невольничий рынок, был ценен Азов для Турции. Что же касается Дона, то нахождение Азова в руках Турции прямо таки связывало его по рукам и ногам. И политически и экономически Азов стал домокловым мечом для Дона. Являясь постоянной военной угрозой для казачьего государства, Азов сильно ущемлял и экономические его интересы, заперев свободный выход в Черное море. Поэтому ликвидация этого турецкого плацдарма на территории Донской республики стала жизненной потребностью.

Что касается третьей державы, интересы которой тоже затрагивались судьбой Азова, то ее поведение вполне определяет степень ее заинтересованности. России безусловно не могло нравиться владение Турцией Азовом. Ясно было, что ей выгоднее, вернее — безопаснее Азов казачий, нежели турецкий. Но интерес этот не был настолько существенен, чтобы Россия могла втянуться в открытый конфликт с тогдашней Турцией.

Покуда между нею и Турцией существовало самостоятельное дружественное Московское казачье государство в качестве буфера, Россия могла быть сравнительно спокойной. К этим соображениям могло присоединиться и отсутствие у московского царя веры в благоприятный для казаков исход операции, ибо так неравны были силы и ресурсы сторон.

Даже соединенные силы Дона и России считались недостаточными против тогдашней Турецкой империи, находившейся в зените своего могущества. Вот почему Россия сохранила в борьбе Дона и Турции официально строгий нейтралитет, а фактически — благожелательный к Дону нейтралитет, помогая ему тайно хлебом, порохом и свинцом. Невмешательство Москвы в эту борьбу сильно напоминает «невмешательство» некоторых держав в нынешние испанские события.

Таково было сплетение политических интересов сторон вокруг Азова, которое и привело к столкновению. Нельзя, конечно, думать, что Донской Круг и Атаман не понимали всей трудности и рискованности борьбы. Но для Дона иного выхода не было. Вполне можно допустить, что казаки учли психологическую и стратегическую выгоду своей стороны. И действительно: хотя Турция и была сильна, но она долж-

на была бороться за далекий пункт заморской колонии, который не представлял для империи жизненного интереса; гарнизон Азова слишком далеко был оторван от своей базы, он был изолирован и не имел психологических возбудительных моментов, тогда как каждый казак понимал значение Азова для всей страны, и казачья армия действовала в непосредственной близости к своей базе. Популярность Азовского похода среди казаков была настолько велика, что Кругу и Атаману не потребовалось даже объявлять всеобщую обязательную мобилизацию. Добровольный приток сил оказался вполне достаточным. Народное предание гласит, что даже девицы обуславливали свое согласие жениху участием последнего в Азовском походе. Настроение тогдашних донцов вполне можно сравнивать с психологической подготовленностью японцев к войне с Россией в годы перед войною 1904 года.

Турецкие солдаты вообще никогда не были плохими воинами, а в то время, 300 лет тому назад, когда имя турка гремело по всему миру, как олицетворение воинственности, Турецкая армия была первоклассной силой.

Но все же казачья воля к победе, казачий напор оказались сильнее, потому что жизненная необходимость победы была осознана каждым гражданином казачьего государства.

Для внешнего мира победа казаков над турками явилась ошеломляющей неожиданностью. Она имела большое психологическое значение для престижа Турецкой империи. Только впечатление, произведенное победой Японии над Россией в 1904 году, можно бы сравнить с тем, какое впечатление произвела победа Дона в борьбе за Азов. Престижу султана был нанесен чувствительный удар. Понятно поэтому, — почему через 5 лет Турция снова попыталась громадными силами вырвать Азов из казачьих рук... и снова потерпела позорную неудачу, еще больше подорвавшую престиж империи.

Много казачьих голов стоил Дону Азов. Но государственное сознание казаков было настолько развито, коллективный дух настолько был высок, вера в свои силы настолько была сильна, что Дон в состоянии оказался выполнить такую задачу, которая казалась не под силу.

Взятие Азова и знаменитое Азовское сражение, являясь зенитом славы казачьего

оружия, во все времена должно служить казакам тем неугасимым пламенем, которое во дни уныния и упадка духа может будить в наших сердцах веру в самих себя.

Но одно мы, казаки, крепко должны помнить: только свободный и самостоятельный народ бывает в состоянии проявить такую силу воли и выдержать такое исключительное напряжение. Вот почему велика ошибка наших бывших недавних вождей, что они, вместо того, чтобы под нашу борьбу

с большевиками подвести высокую, сверкающую идею о свободе и самостоятельности, повели нас на борьбу... за интерес русского реакционного слоя.

В наше время черного лихолетья только в идее борьбы за свободу и самостоятельность могут казаки найти тот жизненный источник, который могучим биением толкал наших предков на подвиги бессмертные.

А. И. БОЯРИНОВ.

Серпиошкины дни

(Серпиошка и поп Фалалей).

Серпион «чеботарил» в маленькой комнатке, служившей одновременно и зимней кухней и сапожной мастерской. Только одно окно, на теневой стороне, открыто, а на все остальные ставни в доме наглухо закрыты. Пол полит водой и в комнатах было достаточно прохладно и приятно влажно. Серпион, по обыкновению, разговаривал с воображаемым собеседником, когда на крыльце, под чьими то шагами, закрипели доски.

— «Кто бы это такой?», подумал вслух Серпион. Он был доволен и рад гостю, ибо давно уж его одолевала скука, так как одиночество было не по его нутру.

— Дома, отец Сергий? Здорово дневал, — поздоровался пришедший: «фу, да и жара, брат. А у тебя тут добро — прохладно».

— Слава Богу, Аввакум Иванович, садись, брат — гость будешь, а вина купишь, хозяин будешь.

— Ну, брат, голодной куме еда на уме, а у тебя водка.

— А что же, дело не плохое — стакачик пропустил бы.

— А где же твои — Филатьевна и дети — ай, на полях, молотят?

— На полях... жнут и молотят — цепами колотят.

— Какими цепами? Катками — ты хочешь сказать? А ты то, что же, станицу от пожара оберегаешь, брандмейстер. Ну, и хитрец — сидит себе в холодочке, шилом ковыряет, а жена с детьми жарится на полях. Ну, и гусь, ну, и гоолавушка забубенная.

— Ну, ну, ты, брат, это брось — не суди, не судим будешь. А, вот, как пожар случится,

так рад будешь, что Серпион тут под рукою.

— А кому ты эту дрянь починаяешь. Что это за сапоги? Их в сор давно пора выбросить, а ты с ними ковыряешься?

— Поповские, брат. А, что дрянь, то дрянь. А ничего не поделаешь — просит. Они месяца два тут валяются, так вчера сам приходил, просил так, что насилью отпихнулся от него.

— Да, какой поп то? Фалалей что-ли?

— Ну, не Иван же. Этот, брат, не станет такую дрянь носить, наш брат-казак. Ну, а Фалалей — мужичья морда, известно...

— А, скажи, правда это, что говорят, будто ты с ним под Светлое Воскресенье шутку устроил такую, что до смерти напугал. Как это было — ну ка, расскажи.

Серпион расхохотался и, продолжая зашивать рваные сапоги, начал рассказывать про ту шутку, которую он проделал над старым попом Фалалеем и над которой долго смеялась вся станица.

— Правда, брат, правда — был такой грех, подшутил над попом. Как водится, не спал я под Светлый Праздник — ждал все, когда заблагостят к заутрени. Стало скучно ждать, и в голову мне втемяшилась, как бы напугать попа Фалалея. Взял я бавку серников, счистил в банку голвки, полил их водою так, что получилось тесто и пошел я, при первых ударах колокола, к поповскому двору и стал за углом ждать, когда он станет выходить. В церкви звонят и звонят, а я караюлю. Знаешь, какой он — как начнет собираться да одеваться, так казак в полк на службу скорее соберется. Да, забыл сказать, что из сахарной бумаги я тестом (стянул паскальное у Филатьевны) склеил маску, приделав ог-